тернѣ, какъ болѣе «революціонные рабочіе».

Читатель долженъ помнить, что эта характеристика исходитъ не отъ бѣлогвардейцевъ, а изъ самихъ нѣдръ РКП.

Этой «коммунистической челяди» Медвѣдевъ противопоставляетъ заграничныя с.-д. партіи и протестуетъ противъ «систематической травли и дискредитаціи пролетарски классовыхъ объединеній западно-европейскаго пролетаріата». Равнымъ образомъ группа Медвѣдева протестуетъ противъ «такой же дискредитаціи всякаго с.-д. правительства вообще, напримѣръ, макдональдовскаго рабочаго правительства въ Англіи».

«Это послѣднее сплошь и рядомъ изображается, какъ правительство буржуазіи. Мы ни на одну іоту не можемъ согласиться съ такой политикой и тактикой. Она губительна для дѣла дѣйствительной соціалистической революціи».

Красный Профинтернъ, по мнѣнію оппозиціи нисколько не лучше Коминтерна, такъ какъ онъ «является вольно или невольно орудіемъ разобщенія россійскихъ рабочихъ массъ и западно-европейскихъ коммунистическихъ массъ отъ рѣшающихъ массъ всего пролетаріата».

Поэтому необходимо ликвидировать отдѣльныя коммунистическія партіи и закрыть профинтернъ. «Мы стоимъ за то, чтобы коммунистическія рабочія массы остались составной частью рабочихъ массъ, организованныхъ въ профсоюзахъ, коопераціи и соціалистическихъ партіяхъ и т. д. чтобы всякія попытки въ тому, чтобы организовать свою обособленную отъ этихъ массъ организацію того же порядка — были рѣшительно отброшены какъ авантюры, дезорганизующія рабочее движеніе».

Судя по отдѣльнымъ бранчивымъ выраженіямъ «Правды» въ письмѣ Медвѣдева содержатся еще не мало вещей весьма вопіющихъ для коммунистическихъ сферъ. Легко себѣ представить гнѣвъ «Правды». Но, увы, ея возраженія сводятся, главнымъ образомъ, къ стремленію доказать, что группа Медвѣдева — оппозиція не лѣвая, какъ до сихъ поръ думали, а — правая.

Тонко отъ этого легче.

Г. У. Стидъ въ Варшавѣ.

(Отъ нашего варшавскаго корреспондента).

Пребываніе бывшаго главнаго редактора «Таймса» Генри Уикхама Стида въ Варшавѣ не было простой поѣздкой англійскаго журналиста въ Польшу. Вниманіе, оказанное ему польской печатью и польскимъ обществомъ свидѣтельствуютъ, что за его пребываніемъ въ Варшавѣ скрывалось нѣчто большее, чѣмъ обычное посѣщеніе страны чужеземнымъ туристомъ.

Стидъ прибылъ въ Польшу изъ Чехословакіи, гдѣ онъ, въ качествѣ гости президента Массарика, присутствовалъ на сокольскомъ слетѣ. Приглашеніе пріѣхать въ Варшаву было передано ему еще въ Лондонѣ польскимъ посломъ Скирмунтомъ отъ имени варшавскаго общественно-политическаго клуба. Этотъ клубъ, объединяющій дѣятелей, политическая роль которыхъ особенно усилилась послѣ майскаго переворота, былъ той польской общественной организаціей, которая устроила чествованіе Стида и въ стѣнахъ которой онъ произнесъ въ Варшавѣ большую рѣчь о политическомъ положеніи Европы и Польши.

Въ Англіи Стидъ пользуется репутаціей знатока центрально-европейскихъ и восточно-европейскихъ дѣлъ, и голосъ его имѣлъ и имѣетъ большое значеніе при выработкѣ англійскаго общественнаго мнѣнія. Говоря въ Варшавѣ о политическомъ положеніи Европы и Польши, Стидъ началъ свою рѣчь съ... до-военной Австріи. Онъ указалъ на роль, которую Австрія играла въ политическомъ концертѣ Европы, и на то, какъ долго и упорно держалась въ Англіи мысль о возможности и необходимости сохраненія австро-венгерскаго государственнаго единства, которое многіе англичане разсматривали, какъ залогъ равновѣсія въ Европѣ. Война пробила брешь въ этихъ взглядахъ англійскаго общества. Желаніе ослабленія Германіи, хотя бы въ лицѣ ея союзниковъ, привело къ провозглашенію лозунга національнаго самоопредѣленія входившихъ въ составъ австро-венгерской монархіи народовъ. При этомъ польскій вопросъ оставался все же въ тѣни. До русской революціи союзники Россіи не могли открыто провозглашать лозунгъ независимости Польши. Изобразивъ такимъ образомъ передъ своими польскими слушателями весь ходъ эволюціи англійскаго общественнаго мнѣнія въ польскомъ вопросѣ, Стидъ коснулся современнаго положенія Европы и Англіи и подчеркнулъ ростъ полонофильскихъ симпатій въ Лондонѣ. По стенограммѣ, опубликованной въ польскихъ газетахъ, Стидъ сказалъ, между прочимъ, обращаясь въ лицѣ своихъ слушателей въ Польшѣ:

— Подчеркивайте ваше значеніе въ Центральной Европѣ, принимайте болѣе дѣйственное участіе въ обще-европейскихъ дѣлахъ, укрѣпляйте ваши отношенія съ Чехословакіей и Малой Антантой, въ единеніи съ которой Польша является значительной силой, и помните, что въ политикѣ любятъ сильныхъ. Поддерживайте возрастаніе, что послѣвоенная Центральная Европа — не случайность, а кристализація неизбѣжнаго и справедливаго положенія вещей.

Сотрудникамъ польской печати Стидъ заявилъ, что ознакомленіе съ польской жизнью и положеніемъ въ Польшѣ произвело на него благопріятное впечатлѣніе. О цѣляхъ своего пріѣзда въ Варшаву онъ сказалъ весьма немногое и эта сдержанность вызываетъ въ Варшавѣ разнорѣчивые толки. Одни считаютъ, что Стидъ прибылъ въ Польшу съ офиціознымъ дипломатическимъ порученіемъ и въ видѣ доказательства указываютъ на его бесѣду съ маршаломъ Пилсудскимъ, бесѣду, о которой онъ самъ сказалъ сотрудницу «Новаго Курьера Польскаго», что содержаніе ея не подлежитъ оглашенію. Другіе видятъ въ пріѣздѣ Стида въ Польшу признакъ безпокойства, вызваннаго въ Англіи миссіей проф. Кемморера и конкуренціей англійскаго и американскаго капитала на польскомъ рынкѣ. Но всѣ мнѣнія единогласно сходятся въ томъ, что пріѣздъ Стида въ Польшу является новымъ, этапомъ на пути къ англо-польскому сближенію, намѣтившемуся уже давно, а нынѣ, послѣ майскаго переворота, имѣющаго возможность отразиться реально на направленіи внѣшней политики Польши.

—скій.

Печать.

Нѣтъ, вы подумайте, воскликнулъ бы чеховскій герой. Кому бы въ самомъ дѣлѣ могло прийти въ голову, что гомерическое взяточничество торгпредствъ и небывалое паразитарное при нихъ посредничество объясняется ничѣмъ инымъ, какъ вліяніемъ... царскаго режима. А вотъ корреспондентъ «Экономической Жизни» изъ Берлина взялся доказать, что это именно такъ.

Привычка германскихъ фирмъ торговать съ русскими государственными учрежденіями царскаго времени при помощи взятокъ и посредниковъ очень располагала эти фирмы прибѣгать къ помощи посредниковъ также въ торговлѣ съ СССР.

Странно однако, то что такое предрасположеніе не только не разсѣивалось съ годами, а напротивъ все больше укрѣплялось. Такъ, когда на сцену выступилъ Кутискеръ, то къ нему побѣжали, по словамъ корреспондента,

именно фирмы давно торгующія съ СССР.

Именно эти фирмы не сомнѣвались, значитъ, что для торговли съ торгпредствами нѣтъ болѣе подходящаго посредника, чѣмъ Кутискеръ.

Не менѣе замѣчательно и другое объясненіе тѣхъ соблазновъ, которымъ подвергаются невинные чекисты изъ торгпредства. Оказывается, что на ряду съ мистическимъ воздѣйствіемъ царскаго режима

главнымъ побуждающимъ стимуломъ къ использованію услугъ посредниковъ является желаніе обойти монополію внѣшней торговли.

Какимъ образомъ участіе посредниковъ можетъ вліять на разрушеніе монополіи внѣшней торговли, эта загадка не объясняется. Но фактъ тотъ, что «Экономическая Жизнь» прямо обвиняетъ германскую промышленность въ опасѣйшихъ контрреволюціонныхъ замыслахъ — подорвать нашу командную высоту.

Эта замѣчательная корреспонденція изъ Берлина подписана такъ

Б. К. — Н.

Однако, весьма освѣдомленные люди категорически утверждаютъ, что подъ инициальными буквами скрывается профессоръ Анатовъ и Мельниковъ.

Съ своей стороны, Крестинскій по упорнымъ слухамъ обратился въ наркоминдѣлъ съ настойчивой просьбой оградить его отъ компрометированія передъ Европой ретивыми корреспондентами «Экономич. Жизни».

Запрещеніе посѣщенія совѣтскихъ клубовъ.

Итальянская компанія «Ллойдъ-Тріестино» запретила командамъ своихъ пароходовъ во время пребыванія ихъ на совѣтскомъ берегу посѣщать совѣтскіе клубы при чемъ предупредила, что по прибытіи въ Италію каждый морякъ, не выполнившій этого распоряженія, будетъ уволенъ со службы.

Натурализація русскихъ въ Англіи

Отвѣчая на запросъ рабочаго депутата небезизвѣстнаго Ленсбери министръ внутреннихъ дѣлъ Джойсонъ Гиксъ заявилъ, что въ 1924 г. въ Англіи натурализовались 635 иностранцевъ, въ томъ числѣ 365 русскихъ, въ 1925 г. — 1074 иностранцевъ, изъ нихъ 352 русскихъ. Въ первую четверть 1926 г. британское гражданство пріобрѣли 337 иностранцевъ въ томъ числѣ 129 русскихъ. При удовлетвореніи ходатайствъ о натурализаціи министръ не запрашивалъ министерство труда.

Такъ какъ этому запросу предшествовала статья въ «Daily Herald» сообщающая, что «русскіе бѣлогвардейцы принимаютъ англійское подданство», то на помощь Ленсбери поспѣшилъ его соратникъ либералъ Конкорти, который спросилъ министра, каковы политическія убѣжденія натурализованныхъ русскихъ. Подобный вопросъ въ устахъ либеральнаго депутата звучитъ болѣе чѣмъ странно. Джойсонъ Гиксъ отвѣтилъ, что этимъ онъ не интересовался. Тогда Ленсбери заявилъ, что изъ всѣхъ натурализованныхъ русскихъ всего больше становятся англійскими подданными, въ то время какъ другіе иностранцы, живущіе въ Англіи не получаютъ удовлетворенія своихъ ходатайствъ. Джойсонъ Гиксъ заявилъ, что дѣйствительно теперь натурализуютъ значительно больше иностранцевъ (въ томъ числѣ и русскихъ), чѣмъ до того времени, когда консервативное правительство пришло къ власти, однако министерство не дѣлаетъ никакихъ различій между русскими и другими иностранцами.

Самоубійство поэта Ростовскаго.

Вчера вечеромъ подъ Москвой въ дачномѣстности Краково застрѣлился поэтъ Игорь Ростовскій. Крестьяне, сбѣжавшіеся на выстрѣлъ, застали его мертвымъ. Ему было 23 года. Онъ принадлежалъ къ коллективу пролетарскихъ поэтовъ «Молодая Гвардія».

Ищутъ ген. Комиссарова.

Ген. Комиссаровъ пріѣхавшій въ Соединенные Штаты въ качествѣ лектора, получилъ разрѣшеніе пробыть въ странѣ 6 мѣсяцевъ. По истеченіи этого срока онъ, однако, не уѣхалъ, и занялся весьма разнообразной дѣятельностью, торговалъ, потомъ былъ рабочимъ, а затѣмъ былъ принятъ краснымъ митрополитомъ Кедровскимъ въ качествѣ секретаря. Скоро онъ занялъ мѣсто главнаго политическаго совѣтника Кедровскаго.

Иммиграціонныя власти послали своихъ людей туда чиновника, который пріѣхалъ въ 7 часовъ утра къ собору. Ему открылъ дверь — самъ Комиссаровъ.

«Мнѣ нужно Комиссарова», заявилъ инспекторъ.

«Онъ уѣхалъ 5 минутъ тому назадъ», отвѣтилъ Комиссаровъ.

«Куда?»

«На квартиру къ священнику Чечулину».

Взявъ подробный адресъ свящ. Чечулина инспекторъ помчался туда, но узналъ, что Комиссаровъ вовсе не долженъ былъ ѣхать къ Чечулу. Путемъ сличенія мѣтъ инспекторъ установилъ, что съ нимъ говорилъ самъ Комиссаровъ. Полиція была теперь на поискахъ генерала.

Литературныя замѣтки.

Устроенный на дняхъ берлинскимъ союзомъ журналистовъ литературный судъ надъ Поздышевымъ воскресилъ для многихъ «Крейцерову сонату» и воспоминаніе о томъ гнетомъ впечатлѣніи, какое она произвела когда то на юношей и дѣвушекъ. Ея больные звуки не въ состояніи были, правда, заглушить прежней толстовской симфоніи материнства и женственности; но все же, когда тридцать семь лѣтъ назадъ появилась она, была ея значительно расшатана романтика любви и брака, надъ ихъ поэзіей надвигалъ тѣнь цинизма, и потускнѣли всѣ чистые романы міра, и спиритуалисъ въ стыдѣ и отчаяніи не мало невѣстъ отъ своихъ жениховъ. Былъ глубоко неправъ Толстой, и тяжкую взялъ на себя вину, тѣмъ что разбилъ довѣріе къ идеаламъ и облегчилъ путь для Арцыбашева. Но то, чтобы на сторонѣ великаго писателя не находились факты, не то, чтобы его изобличала практика жизни и не свидѣтельствовала въ его пользу полу «тьма низкихъ истинъ»; но онъ не воспользовался своей львиной силой, для того, чтобы надъ этой низостью подняться въ сферу «насъ возвышающаго обмана». Факты еще на ихъ чему не обязываютъ; идеалъ реальнѣе факта; возвышающій обманъ идеала заключаетъ въ себѣ больше внутренней, разумной и необходимой правды, чѣмъ случайность низкихъ и темныхъ истинъ, чѣмъ скопленіе житейскихъ опытовъ и наблюденій. Своего Поздышева геніальный авторъ незаконно обобщилъ; принявъ неудухотворенность его любви за типичное правило, онъ этимъ выступилъ противъ самого себя, противъ своего Пьера и Лизы, и Андрея Болконскаго которые не такъ любили, какъ несчастный герой «Сонаты». Толстой разоблачилъ Толстого. Можно ли однако ему повѣрить, и не слишкомъ ли ясно, какъ далеко отъ поздѣйшаго Толстого отлетѣлъ Эросъ, свѣтлый богъ боговъ и людей? Любовь какъ побѣда надъ поломъ, а не какъ подчиненіе полу, любовь какъ преодолѣніе грубаго и стыднаго, любовь, которая возвышается надъ противоположностью Афродиты простонародной и Афродиты небесной: все это не вошло въ композицію «Крейцеровой сонаты», все это было ею отвергнуто, и потому совершился тяжкій грѣхъ противъ любви. Жестокой трагическаго непониманія и недоразумѣнія одинаково пали какъ Поздышевъ, такъ и его создатель, который въ «Послѣсловіи» окончательно принялъ на себя отвѣтственность за его міровоззрѣніе. И оба они убили любовь. Оба они отклонили ея человѣческій, т. е. ея божественный обликъ, оба они остались въ темнотѣ чувственнаго хаоса, не сдѣлали той высоты, гдѣ въ лучахъ космической славы нисходитъ красота совершенной формы, триумфъ завершенной, полнота чувства и оба они оказались такъ немузыкальны, что не дались имъ неблагодатнымъ устамъ пѣснь торжествующей любви.

Поздышевъ не умѣлъ любить, онъ не умѣлъ и ревновать. Въ его ревности не было того, чѣмъ ревность оправдана и освящена, — въ его ревности не было любви. Право на ревность надо заслужить; Поздышевъ его не заслужилъ. Какъ онъ противоположенъ самому великому изъ своихъ предшественниковъ въ литературѣ, Маврѣ Отелло, этотъ «гугъ, пылающій огнемъ», со всей силой страстности любящій свою золотоволосую Дездемону, чья трагедія до сихъ поръ глядится въ венеціанское зеркало венеціанскихъ лагунъ, и «овечку бѣлую» и именно прижималъ онъ къ своей груди черной какъ сажа»; и когда надъ этой овечкой нависнетъ, надъ этой мнимой измѣнницей, такъ недолго свою жизненную пѣсенку пѣвшей, нѣсною про иву, зеленую иву, свершитъ Отелло свое неправедное отмщеніе, свое неблагочестивое закланіе, онъ сейчасъ же покараетъ и самого себя и, закалывшись кинжаломъ, упалъ на безлыбанное тѣло своей жены и сказалъ ей свое послѣднее любовное слово: «съ поцѣлуемъ я убилъ тебя, и съ поцѣлуемъ я умеръ свою встрѣчную брось тебѣ». Поздышевъ же убилъ не любя. Поздышевъ убилъ безлюбовно. И убивъ, онъ продолжалъ жить и оправданный на судѣ, пусть и съ неизгладимой тяжестью на сердцѣ, онъ влѣзъ въ сѣдло на вогъ, гдѣ его ждетъ внѣшняя идиллія, гдѣ у него — «домикъ и садикъ»...

Истинная ревность, это — продолжающаяся борьба за женскую душу, десятилѣтняя война у стѣнъ Трои за прекрасную Елену. Любовь женщины уже отдана мужчинѣ, уже изъ многихъ претендентовъ пала съ выборъ именно на него, опредѣленнаго; но и послѣ этого продолжаетъ онъ бороться со своими возможными соперниками, продолжаетъ доказывать свое преимущество передъ ними и свое преимущественное право на нее, вѣчно желанную Елену. Онъ не почиваетъ на миртахъ, на этихъ лаврахъ любви, онъ не перестаетъ быть героемъ. Къ такому пониманію и оправданію ревности, какъ неуспокоившейся и неуспокоимой любви, не пріобщился Поздышевъ. Для него она была только «чувственъ съ зелеными глазами», по опредѣленію Шекспира, и оно поглотило столькихъ людей. Вѣдь не одну лишь жену убивалъ силой Поздышевъ, но и—ея дѣтей, своихъ дѣтей. Онъ ихъ осиротилъ. Онъ мать ихъ. На него, «испуганно, вопросительно, брожелательно» смотрѣли глаза его дѣтей, но мимо этихъ укоризненныхъ глазъ ребенка онъ прошелъ, болѣе, что собственными глазами видѣлъ онъ въ женѣ ни человѣка, ни матери, онъ съ упрекомъ называлъ ее «стервой»...

Виноватый передъ любовью и ревностью, передъ человѣчностью и передъ материнствомъ Поздышевъ — этой виноватъ и передъ музыкой. Сказалъ уже раньше, что авторъ и его герой въ данномъ произведеніи, обнаружили дикую немузыкальность, оскорбительную глухоту души. Такъ поразительно звѣтъ, которая у музыки взяла свое начало, незамолимымъ грѣхомъ согрѣшилъ именно противъ музыки. Толстой бросилъ передъ Бетховеномъ. «Крейцерова соната» оклеветала Крейцерову соната. Въ музыкѣ темную и страшную силу нашалъ Поздышевъ, глухой голосъ ада; не высвѣтилъ его сумрачной души гармоничный свѣтъ ея звучаній, не дался его строей теплой и ласковой Alma mater, Мать-Музыка, святая и изобрѣтательница органа, и не разлилась уилила его красота гармоніи. Но сближомъ гармоніи оказался, онъ не полюбилъ, и музыка не полюбила его. Онъ отъ нея не воспріялъ преображенія. Онъ въ этомъ отношеніи хуже и ниже кому приравнялъ свою жену, —

ТЕЛЕГРАММЫ.

Борьба въ Китаѣ.

Лондонъ, 19. 7. (Рейтеръ).

По сообщенію изъ достовѣрнаго источника въ Ханькоу большевицкій диктаторъ Кантона Чангъ-Кай-Чекъ и его сообщники Бородинъ оживаются въ Чанчѣ, главномъ городѣ провинціи Хунаньа. Красныя войска освободили городъ отъ нападеній маршала У-Пей-Фу. Эти войска усилены кантонскими отрядами, хорошо вооруженными и находящимися подъ руководствомъ многочисленныхъ русскихъ инструкторовъ. Предполагаютъ, что это указываетъ на намѣреніе Кантона предпринять экспедицію противъ У-Пей Фу.

*

Парижъ, 19 7.

По сообщенію агентства Indo Pacifique изъ Пекина артиллерія мукденской арміи въ теченіе двухъ дней бомбардируетъ позиціи народной арміи у Лунгъ-Фу-Чана. Ожидаютъ наступленія союзныхъ войскъ съ цѣлью форсировать горный проходъ Нанкау. У-Пей-Фу предписалъ своимъ генераламъ отразить кантонскія войска атаковавшія Чанъ-Шанъ.

Борьба за курсъ франка въ Бельгіи.

Брюссель, 20. 7.

Вчера состоялось засѣданіе кабинета, выработавшее программу мѣръ. Предположено, во-первыхъ, урегулировать производство и продажу муки, хлѣба и другихъ пищевыхъ веществъ, во-вторыхъ, урегулировать вывозъ и ввозъ мучныхъ товаровъ, въ третьихъ, принять мѣры для предупрежденія появленія сообщеній, подрывающихъ кредитъ государства.

Сверхъ того, въ засѣданіи кабинета былъ подвергнутъ обсужденію рядъ другихъ мѣръ, въ томъ числѣ усиленіе контроля за валютными сдѣлками. Урегулированіе вывоза угля, сахара, суперфосфатовъ, искусственнаго удобренія. Предполагается ввести опредѣленный часъ закрытія ресторановъ, кофеенъ и т. д., урегулировать торговлю кондитерскими товарами. Далѣе проектируется ввести налогъ на проживающихъ въ Бельгіи иностранцевъ и налогъ на останавливающихся въ отеляхъ.

Выходъ Бенеша изъ палаты.

Прага, 19. 7.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Бенешъ сообщилъ предсѣдателю національ соціальной партіи, что онъ отказывается отъ своего депутатскаго полномочія, не покидая однако рядовъ партіи.

Бенешъ остается министромъ иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ спеціалиста.

Эстонское опроверженіе.

Рига, 19. 7.

Министръ иностранныхъ дѣлъ заявляетъ, что распространенное совѣтскимъ телеграфнымъ агентствомъ сообщеніе будто на совѣщаніи министровъ иностранныхъ дѣлъ Латвіи, Эстоніи и Финляндіи въ Ревелѣ, въ присутствіи представителя Польши, было рѣшено прервать переговоры съ СССР о гарантійномъ соглашеніи, лишено всякаго основанія.

Декларація польскаго премьера.

Варшава, 19. 7.

Премьеръ Бартель выступилъ сегодня съ рѣчью, въ которой онъ изложилъ правительственную программу.

Указавъ на трудность правительственныхъ задачъ въ Польшѣ, Бартель заявилъ:

Программа польскаго правительства диктуется желѣзной логикой и фактами: она свободна отъ всякой партійной политики. Намъ прежде всего приходится заняться экономическимъ и финансовымъ оздоровленіемъ. Намъ удалось стабилизировать злотый на курсѣ по 10 злотыхъ за долларъ. Золотое покрытіе кредитнаго обращенія достигаетъ 144 милліоновъ золотыхъ. Золото польскаго банка, находится заграницей, можно считать уже свободнымъ, такъ какъ нашъ долгъ американскому союзному резервному банку обезпеченъ валютными запасами польскаго банка. Правительство принялось за борьбу съ дороговизной. Ему удалось во многихъ областяхъ добиться пониженія цѣнъ, безъ сокращенія заработной платы. Относительно внѣшней политики правительство считаетъ своей главной задачей упроченіе довѣрія къ Польшѣ заграницей. Особое значеніе оно придаетъ экономическому сотрудничеству со всей Европой. Предложенія относительно реформы конституціи имѣютъ реальныя основы и ставятъ себѣ чисто реальныя задачи. Правительство стоитъ внѣ партій. Въ этомъ заключается причина, по которой правительству приходится испытывать нападки.

Опасенія совѣтской печати.

Москва, 20. 7.

«Извѣстія» пишутъ въ передовой статьѣ:

Польское правительство не дѣлаетъ даже попытки опровергнуть сообщеніе польской печати о планахъ Польши противъ Литвы. Наоборотъ оно своимъ образомъ дѣйствій показываетъ, что сообщенія эти соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Такая авантюристская политика поддерживается государствомъ, желающимъ предоставить Польшѣ возможность утвердиться на всемъ побережьѣ Балтійскаго моря въ цѣляхъ созданія общеевропейской базы для наступленія на СССР. Совѣтское правительство внимательно слѣдитъ за событіями и слѣдуетъ въ надлежащій моментъ свои выводы.

Аресты политическихъ лидеровъ въ Греціи.

Афины, 19. 7.

Лидеры демократическихъ партій Сфафарандарисъ, Папанастасіо, Михалакопуло и нѣкоторые другіе политическіе дѣятели и журналисты арестованы. Они обвиняются въ заговорѣ противъ нынѣшняго государственнаго строя. Предполагается перевести ихъ на островъ Наксосъ.

На бывшаго министра Евтакеіаса возложено порученіе сформировать кабинетъ. Передъ тѣмъ было предложеніе сформировать кабинетъ было сдѣлано предсѣдателю кассаціоннаго суда, однако онъ отказался.

*

Афины, 19. 7.

Президентъ Пангалосъ сдѣлалъ заявленіе по поводу арестовъ политическихъ дѣятелей. Онъ утверждаетъ что заговоръ, въ которомъ они участвовали, былъ направленъ непосредственно противъ главы государства. Предполагалось убить Пангалоса. Найдено письмо Пластироса, написанное въ іюнѣ. Въ этомъ письмѣ доказывается необходимость убить президента республики при первомъ же взрывѣ революціоннаго движенія.

Совѣтско-финляндскіе переговоры

Москва, 18. 7.

Московская печать публикуетъ отвѣтную ноту совѣтскаго полпреда въ Финляндіи Лоренца на записку финляндскаго правительства относительно гарантійнаго соглашенія. Въ нотѣ этой высказывается готовность совѣтскаго правительства немедленно вступить въ переговоры о заключеніи гарантійнаго соглашенія, а также открыть переговоры объ окончательномъ разрѣшеніи Аландскаго вопроса путемъ спеціальнаго соглашенія и о подписаніи конвенціи по вопросу объ улаженіи конфликтовъ въ согласительномъ порядкѣ.

Бѣженскія осложненія въ Болгаріи.

Тяжелое положеніе русскихъ въ Болгаріи, созданное въ послѣднее время массовымъ увольненіемъ ихъ работодателями и оставленіемъ такимъ образомъ многихъ и многихъ русскихъ эмигрантовъ на произволъ судьбы, вызываетъ безпокойство въ русскихъ зарубежныхъ кругахъ. Имѣется основанія предполагать русской колоніи въ Болгаріи будетъ оказана посильная помощь почти всѣми центральными зарубежными организаціями. Предположены выступленія русскихъ круговъ передъ болгарскими государственными дѣятелями и болгарскимъ общественнымъ мнѣніемъ съ призывомъ не нарушать подобными актами налаживающихся послѣ войны добрыхъ русско-болгарскихъ отношеній. Представленія будутъ сдѣланы болгарскимъ дипломатическимъ представителямъ въ Вашингтонѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Прагѣ, Берлинѣ. Кромѣ того будетъ сдѣлано представленіе непосредственно болгарскому правительству въ Софіи. Русское общественное мнѣніе за-границей повидимому не будетъ настаивать на оставленіи русской колоніи въ полномъ ея численномъ составѣ въ Болгаріи, но предложитъ планомѣрныя мѣропріятія по облегченію постепеннаго переѣзда русскихъ изъ Болгаріи въ другія мѣста жительства. Въ этомъ направленіи возможны совѣстныя представленія авторитетныхъ русскихъ общественныхъ организацій за-границей и болгарскаго правительства въ Лигѣ Націй и проведеніи необходимыхъ мѣропріятій въ международномъ масштабѣ.

Массовыя увольненія русскихъ работодателями въ Болгаріи освѣдомленные источники ставятъ въ связь съ вопросомъ объ устройствѣ бѣженцевъ болгарскаго происхожденія, сосредоточившихся на болгарской территоріи за послѣдніе годы. Какъ извѣстно, для устройства этихъ своихъ бѣженцевъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ покинувшимъ мѣста своего постояннаго жительства и пребывающихъ на болгарской территоріи, Болгарія ходатайствовала о предоставленіи ей спеціальнаго на этотъ предметъ кредита. Не исключено предположеніе, что такимъ путемъ Болгарія хочетъ обратить вниманіе на тяготы, которыя она несетъ, опекая и своихъ, и русскихъ бѣженцевъ при наличіи въ странѣ экономическаго кризиса. Офиціальныхъ разъясненій болгарскаго правительства по этому поводу не имѣется. (Руссъ).

Нота Чичерина.

Въ телеграммѣ изъ Москвы уже было сообщено о телеграфной нотѣ Чичерина къ болгарскому министру иностранныхъ дѣлъ по поводу переброски въ совѣтскіе порты партій проживающихъ на болгарской территоріи бывшихъ чиновъ бѣлой армій. Въ совѣтскихъ газетахъ опубликованъ текстъ ноты. Въ дополненіе къ сообщенному въ телеграммѣ приводимъ изъ этой ноты слѣдующія подробности:

По совершенно точнымъ даннымъ, которыми располагаетъ совѣтское правительство — заявляетъ Чичеринъ, — въ Софіи Варнѣ и другихъ городахъ Болгаріи при открытомъ покровительствѣ болгарскаго правительства, функціонируютъ спеціальныя конторы, имѣющія цѣлью вербовку бѣженцевъ, желающихъ вернуться въ СССР, которымъ обѣщаютъ за опредѣленную плату доставку въ СССР безъ всякихъ визъ и разрѣшеній.

Болгарское правительства никоимъ образомъ не можетъ отрицать своего активнаго содѣйствія указанной практикѣ контрабандной переброски бѣженцевъ и репатріантовъ изъ Болгаріи.

Достаточно отмѣтить фактъ задержанія 1 іюля близъ Одессы болгарской моторной лодки, на которой находилось 38 пассажировъ и 4 человѣка команды, направлявшихся въ Одесскій портъ, при чемъ на судовомъ документѣ оказалась отмѣтка портового управленія Варны отъ 29 мая о разрѣшеніи рейса судна изъ Варны въ Одессу. По свѣдѣніямъ одновременно полученнымъ совѣтскимъ правительствомъ въ теченіе іюня мѣсяца съ разрѣшенія болгарскаго правительства была произведена отправка еще нѣсколькихъ партій репатріантовъ на ледкахъ и шхунахъ въ Одессу. Многія суда съ путниками погибли въ морѣ. Однако, это не удерживаетъ болгарское правительство отъ дальнѣйшихъ отправокъ.

Нота заканчивается слѣдующей угрозой:

Совѣтское правительство, возлагая мало надеждъ на практическій результатъ своихъ протестовъ противъ укоренившейся системы переброски реэмигрантовъ передъ болгарскимъ правительствомъ до тѣхъ поръ, пока у власти въ Болгаріи находятся представители крайней реакціи, тѣмъ не менѣе считаетъ необходимымъ этимъ путемъ обратить вниманіе всѣхъ цивилизованныхъ странъ на указанную практику болгарскаго правительства, являющуюся неслыханнымъ нарушеніемъ не только международнаго права, но и элементарныхъ требованій человѣчности. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно возлагаетъ передъ лицомъ всего міра на болгарское правительство отвѣтственность за всѣ тѣ репрессіи, которое оно будетъ вынуждено въ дальнѣйшемъ примѣнять къ лицамъ, прибывающимъ въ предѣлы СССР безъ разрѣшеній, такъ и въ особенности къ командированію судовъ, перебрасывающихъ ихъ.

пошлаго Трухачевскаго. Вѣдь когда Трухачевскій, человѣкъ дурного тона, взялъ первые аккорды «Крейцеровой сонаты», то «у него сдѣлалось серьезное, строгое, симпатичное лицо». Правдивый геній Толстого этими немногими, но изумительными словами оправдалъ и спасъ Трухачевскаго, сразу разскрылъ передъ читателями перспективы высокихъ утѣшеній. Толстой вообще не губитъ никого и въ пучины безнадежной смерти не опускаетъ ничьей души. Ангелъ-хранитель музыки былъ поставленъ даже около дешевой души Трухачевскаго, и вотъ отъ приближенія, отъ прикосновенія, отъ благодатныхъ дыханій Бетховена сталъ серьезенъ и строгъ, и симпатиченъ Трухачевскій. Почему же, почему этой спасающей музыкальностью не надѣлилъ Толстой и Позднышева? почему онъ и съ его души свѣтлыми звуками не спугнулъ ея темныхъ тѣней? почему не отклонила музыка руки убійцы и не показала ему подлиннаго лика любви?...

Заключительный аккордъ толстовской «Крейцеровой сонаты» звучитъ ли какъ примиреніе, какъ спасеніе, какъ разрѣшеніе трагедіи? Когда Позднышевъ увидѣлъ свою умирающую жену и своихъ дѣтей около нея, когда онъ увидѣлъ ея съ подтеками разбитое, имъ разбитое лицо, тогда онъ въ первый разъ забылъ себя, свои права, свою гордость, въ первый разъ увидалъ въ ней человѣка; и такъ ничтожно показалось ему все то, что оскорбляло его, вся его ревность, и такъ значительно то, что онъ сдѣлалъ, что онъ хотѣлъ припасть лицомъ къ ея рукѣ и сказать: прости! — но не смѣлъ. Хотѣлось бы, чтобы убивъ ее, онъ полюбилъ ее. Хотѣлось бы, чтобы въ «Крейцерову сонату» проникли здѣсь возвышенные звуки «Отелло» и эта шекспировская мысль о нерасторжимости человѣческихъ вѣнчаній: ибо у Шекспира по нетинѣ происходитъ новая, несмертная свадьба Отелло и Дездемоны, и обвѣнчанные у алтаря смерти, пройдя таинство убійства и самоубійства, они, теперь такіе близкіе, такіе родные, вступаютъ уже неразлучной четою въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ревности, нѣтъ низости, нѣтъ Яго, гдѣ есть только одна невозмутимая любовь. Но у Толстого это не такъ, и Позднышевъ кончаетъ свою исповѣдь словами: «если бы я зналъ, что я знаю теперь... я бы не женился на ней ни за что... и никакъ не женился бы». Такой финалъ отличается можетъ быть житейской, но не художественной правдой, а не къ Толстому, а къ Шекспиру влечется наше сердце и наша эстетическая требовательность. Вѣдь, если Позднышевъ и теперь думаетъ, что ему не слѣдовало бы жениться, то, значитъ, онъ продолжаетъ убивать свою жену. Вѣдь если Позднышевъ и теперь думаетъ, что ему не слѣдовало бы жениться, то, значитъ, своего искупительнаго разрѣшенія трагедія себѣ не нашла.

Но будемъ скромнѣе и то уже примемъ за искупленіе что надъ прахомъ убитой жены, «неподвижной, восковой, холодной», въ сокрушеніи и въ раскаяніи понялъ Позднышевъ, какое совершилъ онъ неправедное и страшное дѣло. Уже одно это извлекаетъ изъ «Крейцеровой сонаты» великое поученіе, и человѣческая жертва, жертва вечерняя, женская жертва, была принесена не напрасно, если отъ содраганій и рыданій убійцы передъ убитой возникнетъ въ мірѣ нѣсколько больше доброты и признаніе найдутъ себѣ жестоко попранныя права любви и музыки.

*

Оправданіемъ любви является очаровательный разсказъ Ив. Бунина «Солнечный ударъ» въ XXVIII-омъ выпускѣ «Современныхъ Записокъ» (пока только это произведеніе отмѣтимъ изъ богатаго содержанія книги). Столько солнца, столько счастья давно уже не заливало русскихъ страницъ. Свѣтлое наваждение любви ея солнечный ударъ, внезапно погашенный два сердца, изображены съ такой прекрасной убѣдительностью, что, какъ ни смѣла ситуація разсказа, невольно отдаешься въ его сладостный плѣнъ. Стыдливая любовь не только Болгу облекаетъ новой красотой, Болгу и безъ того сіяющую, но и волшебно преображаетъ и Богомъ забытый приволжскій городишко съ его удѣдной унылостью и густой бѣлой пылью. Городокъ этотъ в гостинница и лавки, и извозчикъ, и базаръ, и фотографическая витрина: все это воспроизведено съ необычайнымъ искусствомъ и волнуетъ наши изгнаннические воспоминанія; а главное изъ этой ославленной пыли, изъ этой давнишней резиденціи мертвыхъ душъ, метаморфоза любви и чары таланта сумѣли извлечь такъ много поэзіи, такъ много нежданной радости. Черезъ три часа послѣ случайнаго знакомства на пароходѣ, наступленно въ объятія другъ друга бросилъ солнечный ударъ любви молодую женщину въ легкомъ холстиковомъ платьѣ и поручика «съ обычнымъ офицерскимъ лицомъ съ бѣлесыми, выгорѣвшими отъ солнца усами и голубоватой бѣлизной глазъ». Правда, только онъ обыкновенный поручикъ: она же, чья маленькая и сильная рука пахла загаромъ и не разъ ладонью наружу прикладывалась къ горячей щекѣ, она, эта маленькая женщина, послѣ цѣлаго мѣсяца лежанья подъ южнымъ солнцемъ, на морскомъ пескѣ, была обворожительна, была опьянена и пьянила солнечнымъ виномъ. Только ночь, только одну ночь провели вмѣстѣ влюбленные, въ томъ городкѣ, куда сошли они съ волжскаго парохода, и утромъ она уѣхала, не позволивъ ему сопровождать ее дальше, и не сказавъ ему своего имени. Онъ лишь довезъ ее до пристани, какъ разъ въ отходу розоваго Самолета, и при всѣхъ поцѣловалъ на палубѣ и едва успѣлъ вскочить на сходни. И остался одинъ, съ восторженной любовью къ ней, одинъ тоскующій, несчастный, нѣжный, не зная ея имени, не зная кому отправить уже готовую въ головѣ и сердцу фразу телеграммы: «сгнили вся моя жизнь нашѣки, до гроба ваша, въ вашей власти». Обыкновенно, когда описываютъ авторы такую молніеносную встрѣчу любви, они показываютъ, какъ потомъ разочарованъ герой. Здѣсь же, у Бунина, очарованіе продолжается. Можетъ быть, скажетъ скептикъ: это — потому, что она уѣхала... Но нѣтъ: чувствуется, какъ серьезна, какъ могуча и какъ истинна эта любовь. И еще всей душой вѣришь героинѣ, когда она говоритъ: «даю вамъ честное слово, что я совсѣмъ не то, что вы могли обо мнѣ подумать». И хотя въ другомъ городѣ есть у нея мужъ и трехлѣтняя дѣвочка, покорно умолкаетъ всякій моралистъ передъ этой самодовлѣющей силой солнца и любви. Сіяетъ солнце. Оправдана любовь. Замираютъ звуки «Крейцеровой сонаты». И кусочкомъ солнца, упавшимъ на землю, воспринимаешь дышащій горячій, жаркій, «солнечный ударъ» и новымъ кусочкомъ золота обогащена русская литература.

Ю. Айхенвальдъ.